

Котариди Юлия Георгиевна

**ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КОНТИНУУМ "ЗОЛОТОГО ГОРШКА" Э. Т. А. ГОФМАНА:
МЕЖДУ НЕОПЛАТОНИЗМОМ И МИФОПОЭТИКОЙ**

Статья раскрывает структурные особенности романтической новеллы Э. Т. А. Гофмана "Золотой горшок", напрямую восходящие к античному неоплатонизму. Пространственно-временной континуум и символический ряд текста актуализируют платоновскую модель постепенного угасания Единого. Стремление Гофмана к созданию собственного мифопоэтического универсума обуславливает не только использование в новелле философских мифологем, но и обращение к фольклорным истокам.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/2-1/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 2(56): в 2-х ч. Ч. 1. С. 47-49. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-32

Статья раскрывает структурные особенности романтической новеллы Э. Т. А. Гофмана «Золотой горшок», напрямую восходящие к античному неоплатонизму. Пространственно-временной континуум и символический ряд текста актуализируют платоновскую модель постепенного угасания Единого. Стремление Гофмана к созданию собственного мифопоэтического универсума обуславливает не только использование в новелле философских мифологем, но и обращение к фольклорным истокам.

Ключевые слова и фразы: романтизм; неоплатонизм; мифопоэтика; архаическая сказка; хронотоп.

Котариди Юлия Георгиевна, к. филол. н.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
a-a-s@yandex.ru*

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КОНТИНУУМ «ЗОЛОТОГО ГОРШКА» Э. Т. А. ГОФМАНА: МЕЖДУ НЕОПЛАТОНИЗМОМ И МИФОПОЭТИКОЙ

Неоплатонизм – одно из самых важных умонастроений романтической эпохи. Идеалистическое учение Платона и его последователей, находящееся где-то на междумирье рационального и иррационального, философии и мифологии, становится востребованным в кружке йенцев после появления «Наукоучения» И. Г. Фихте и выхода классических переводов диалогов Платона, своевременно осуществлённых Ф. Д. Э. Шлейермахером.

Вслед за Новалисом, который активно использует в своем творчестве философские мифологемы античности, неоплатоническую идею с новой силой озвучит и Э. Т. А. Гофман. Она станет отправной точкой умозрительных построений немецкого писателя и в то же время поводом для романтической иронии и изящной игры с художественной реальностью, которая мерцает у Гофмана то потусторонними, то посюсторонними образами.

Стремление к созданию собственной мифопоэтической модели обуславливает как использование Гофманом философских мифологем, так и обращение к фольклорным истокам. Как отмечают немецкие исследователи, «сказочное преобразование повседневности – это основополагающая стратегия “Золотого горшка”» [4, S. 119], для реализации которой писателем задействованы самые разнообразные источники, включая идею неоплатоников о постепенном угасании Единого, которая положена в основу пространственно-временного ряда новеллы.

Представление об однонаправленном времени, на которое опирается писатель, начинает формироваться именно в поздней античности. Так, если Платон еще близок к календарному мифу, в котором жизнь мироздания легко укладывается в цикл, а мировой пожар, апокалипсис, «смерки богов» обязательно оборачиваются восстановлением утраченного космоса, то у Плотина циклическая концепция уже несколько ослаблена. Синтезируя концепции Платона и Аристотеля, античный философ рассматривает время как жизнь Мировой души, которая представляет собой нечто движущееся и одушевленное, способное к изменению.

Мировая душа в иерархии Плотина занимает более низкую ступень по сравнению Единым и Умом. Объединяя души звезд и планет, души земли, растений, животных, демонов, людей, она соприкасается также с материальным началом. У Плотина разрыв между вечностью и временем усиливается. И в этом одно из главных отличий Платона и Плотина. В «Эннеадах» время возникает как результат отпадения от Единого, а не как результат действий демиурга, который создаёт его вместе с небом и роком по образцу первообраза («Тимей»).

О том, что «Золотой горшок» связан с линейной концепцией времени, которая получила своё обоснование в трудах Плотина и Августина, пронизательно замечает еще Ф. П. Федоров. По мнению исследователя, разрыв времени и вечности находит отражение и в творчестве одного из главных идейных вдохновителей Гофмана, знатока Плотина, Новалиса: «В новалисовской картине мира вечность присутствует как высшая реальность, неполноценность времени определена уже тем, что оно рождено вечностью, вечностью контролируется, к вечности устремлено...» [3, с. 81-82].

Отпадение от божества коррелируется у Гофмана с сюжетом архаической сказки о потерянных женах, который повторяется в «Золотом горшке» трижды с разными вариациями. В первой из них нарушение табу Фосфором влечет за собой разлуку возлюбленных и перемену облика лилии, превращение её в крылатое существо. Победа над драконом и последующее освобождение лилии влекут за собой восстановление «брака», созвучного в гофмановской трактовке победе Космоса над Хаосом.

Вторая вариация сюжета о потерянных женах в целом повторяет мотивный ряд предшествующей (любовь Саламандра к зеленой змее, похищение её у матери, нарушение табу, потеря возлюбленной). Однако восстановление брака (а значит – утраченной мировой гармонии) не превосходит, оно возможно только в далеком будущем и после «трудных испытаний» Саламандра в земном облики: «Ниспади к земным духам, пусть они издавываются над тобой, и дразнят тебя, и держат в плену» [1, с. 75].

Третья вариация сюжета архаической сказки о чудесной жене воплощается в истории Ансельма и Серпентины. Жизнь героя в этой версии ограничивается одним возрастным этапом с сопутствующими предбрачными испытаниями. Это вполне соответствует логике построения архаической сказки, так же, как и наказание за невыполненную «трудную задачу» и получение с помощью звериной жены волшебного предмета, после которых Ансельм обязан вступить в род своей жены.

Переход Ансельма в блаженное царство Атлантиды у Гофмана означает не только его личное спасение из плена небытия, но и освобождение из рабства материи всего мироздания. Однако в духе платоновской космологии каждый последующий брак с тотемной женой оказывается все более вынесен Гофманом из идеального в материальный мир, в далекое будущее, отодвигая окончательное восстановление исходной гармонии человека и природы.

Модель постепенного угасания Единого пронизывает все смысловые уровни гофмановской новеллы, начиная от пространственно-временной структуры текста и заканчивая его сюжетом и архитектурикой: «Отношения между центральным мифом и миром повседневности не такие тесные, как между противоборствующими сферами в мифе. Мифологический источник всех вещей либо слишком далеко удален от нашего мира, чтобы иметь с ним какие-то связи, либо вступает в конфликт с ним» [5, р. 63].

Впрочем, концепция однонаправленного времени властвует в новелле не абсолютно. В эпизодах, посвященных золотому веку, Гофман не отказывается окончательно от цикличности мифа, связанной с временным умиранием и последующим воскресением природы. Любовь лилии к Фосфору, равно как и потеря Саламандром его возлюбленной, приводят к чередованию природных циклов, временному угасанию жизненной силы растений: «Тут обезумел Саламандр от отчаяния, и побежал он, брызжа огнем и пламенем, по саду и опустошил его в диком бешенстве так, что *прекраснейшие растения падали спаленные, и их вопли наполняли воздух*» [1, с. 75].

Однако вслед за «мировым пожаром» и изгнанием Саламандром из сада Фосфора цикличность мифа заметно ослабляется. Человек оторвался от «гармонического круга», возвращение Золотого века вынесено за пределы вечности во время и оказывается возможным только при выполнении определённых условий. Неизменное постоянство античного космоса, его круговое движение сменяется роковой необратимостью линейного времени, миф становится историей.

Если иерархия времени и вечности в «Золотом горшке» отсылает нас к «Эннеадам» Плотина, то пространство новеллы явно ориентировано на платоновскую космологию. В дуализме пространства Атлантиды и вполне конкретного и зримого мира Дрездена, где и происходят основные события, легко распознать платоновскую оригинальную концепцию мироздания, разделенного на мир земной и мир Идей, «эйдосов».

Пространственная модель «Золотого горшка» предопределена платоновским дуализмом, базирующимся на алгоритмах пралогического мышления. В архаическом мифе всё происходящее на верхнем этаже пространства дублируется, отражается на нижних его уровнях. События в Атлантиде и в Дрездене нанизаны на одну нить: ведь как бы ни отделено было мифическое прошлое от современности, у Гофмана оно так же реально, как настоящее, их можно сопоставить и связать.

Дуальная организация пространства в «Золотом горшке» коррелируется также с хронотопом сказки, в которой обычно мифологическая трехчленная вертикаль сжимается до одного чудесного мира или двух миров – потустороннего и посюстороннего. Однако если пространство сказки обычно не связано реальной географией, то Гофман, напротив, точен в топографии Дрездена, с первых строчек новеллы настойчиво упоминая Линковку купальни, Крестовую церковь, Новый рынок, Замковую улицу...

Подчеркнутая конкретизация топонимов, однако, контрастирует с теми фантастическими событиями, которые разворачиваются на дрезденских аллеях, мостах или дорогах. Атлантида проникает в мир повседневности через островки волшебства, которые связаны у Гофмана с природным ландшафтом либо расположены на отдаленных городских улицах. В рамках пространственно-временных отношений особую значимость приобретают в новелле и разного рода переходы (двери, ворота, мост, переправа), намечающие расплывающиеся и неясные, но все-таки ощутимые границы между мирами.

В отличие от Дрездена, потусторонняя Атлантида лишена столь конкретного хронотопа. Это мифическое славное прошлое, «золотой век» космоса, в котором стихии природы находятся в постоянном, напряженном взаимодействии. В соответствии с логикой сказки, в царстве Фосфора время движется быстрее: события слабо детализированы и развиваются стремительно. Актуализация образа блаженной страны происходит в новелле несомненным влиянием не только «Генрих фон Офтердингена» Новалиса, но и диалогов Платона, с которыми был знаком писатель.

Давно замечено также, что зачин сказания об Атлантиде («дух взирал на воды») представляет собой реминисценцию книги Бытия, которая отсылает действие новеллы к началу вселенной. В архаическом сознании вода выступает как один из образов древнего хаоса, а постепенный переход от водяной стихии к суше обычно воплощает упорядочивание мира: «Сущность и библейский стиль этого отрывка, разумеется, сильно напоминает Творение. Источник, тем не менее, претерпел значительные изменения и художественно оформлен, как мы увидим, и различия, которые возникают, возможно, более важны, чем сходства» [5, р. 55].

Несмотря на библейские аллюзии, Э. Т. А. Гофман очень далек от ветхозаветного монотеизма, где личное волевое начало упорядочивает мироздание и служит источником возникновения всего живущего. В пралогическом мышлении огонь, земля, вода и воздух обычно образуют первичный материал для вселенной: смешанные и неразделенные в хаосе, они разъединяются и «очищаются» в космосе. Этиологический миф Гофмана тяготеет к модели самозарождения вселенной, античному типу космогонии и, в частности, к платоновскому «Тимею», в котором космос представляет собой живое существо, возникшее из сопряжения огня с землёй, водой и воздухом.

В «Золотом горшке» нетрудно обнаружить и другие следы неоплатонизма. В «Эннеадах» Плотина свободное от материи Единое сопоставляется с Солнцем, которое рассеивает свои лучи, порождая остальные, менее совершенные ипостаси: «Плотин постоянно обращается к символической модели, которая как бы отражает всю его систему. Это символическая световая модель включает в себя Единое – абсолютно чистый и простой свет, или точнее говоря, даже сила света, Нус – Солнце, имеющее собственный свет, Мировая душа – Луна, заимствующая свет от Солнца; материя – это мрак» [2, с. 22].

Отголоски эманационной эстетики находят отражение в образе солнца, которое питает своими лучами золотисто-зелёных змеек и способствует пробуждению производительных сил природы. Это объясняет, почему синонимический ряд, связанный со светом, в «Золотом горшке» так широк (свет, огонь, пламя, луч и др.). Однако если в идеальном мире Благо и согревает мир в «пламенных объятиях своих лучей», то в царстве материи степень высеянности эйдоса значительно меньше. В Дрездене Ансельму дано видеть золотисто-зелёных змеек лишь в рассеянном свете закатных лучей, и только в высшем мире Атлантиды он превращается в ослепительный блеск.

Неоплатонизм, как и архаическая мифология, строится на бинарных оппозициях и изначально предполагает некую раздвоенность, разрыв между идеалом и его земным воплощением, эйдосом и его тенью. С каждым более низким уровнем воплощения потенция Единого становится всё слабее, но природные стихии продолжают свою активность, даже оторвавшись от его лона. Линхорст и Лиза сохраняют свои магические способности даже в царстве материи.

Таким образом, структурная модель волшебной сказки активно совмещается в новелле с философскими мифологемами неоплатонизма. Время новеллы в целом воспроизводит линейную модель исторического развития, опирающуюся на концепцию постепенного угасания Единого. Временной поток Атлантиды, напротив, тяготеет к цикличности и представляет собой во многом идеализированное прошлое или потенциально возможное для человечества будущее. Пространство «Золотого горшка» также неоднородно и восходит как к платоновской космологии, так и к сказочному дуализму с его делением на потустороннее и посюстороннее.

Несмотря на устремленность к этиологии и частично к эсхатологии, неожиданные превращения и резкие повороты событий, свойственные мифу, хронотоп «Золотого горшка» содержит в себе многие черты классической волшебной сказки. Как и в фольклорных вариациях, жизнь героя ограничивается в новелле одним возрастным этапом, с сопутствующими ему предбрачными испытаниями, после которых Ансельм обязан вступить в род своей жены.

При всей своей структурированности, пространственно-временной континуум «Золотого горшка» лишен однозначности, отчетливо демонстрируя диалектику, мерцание потустороннего и посюсторонних миров. Это обусловлено, в том числе, постоянной текучестью картины мироздания Гофмана, которая всё время меняется под воздействием природных стихий.

Гофмановский космос, так же, как и космос Платона, рождается из брака материального и идеального. Эта «диалектика мифа», берущая своё начало ещё в пралогическом мышлении, легко эксплицируется в новелле через образ золотого горшка, объединяющего в себе телесную и бестелесную природу, идеальное и вещное, огненную лилию как символ высшего бытия и царство материи, «первобытную земную силу», из которой она и произрастает.

Список литературы

1. Гофман Э. Т. А. Библиотека мировой новеллы. М.: Звонница, 2000. 343 с.
2. Султанов Ш. З. Плотин: Единое: творящая сила созерцания. М.: Молодая гвардия, 1996. 426 с.
3. Фёдоров Ф. П. Время и вечность в сказках и каприччио Э. Т. А. Гофмана // Художественный мир Э. Т. А. Гофмана. М.: Наука, 1982. С. 81-106.
4. E. T. A. Hoffmann: *Leben, Werk, Wirkung*. Berlin – Boston: De Gruyter, 2012. 673 S.
5. Negus K. E. T. A. Hoffmanns Other World. Romantic Author and his New Mythology. Philadelphia, 1965. 183 p.

SPATIAL-TEMPORAL CONTINUUM OF “THE GOLDEN POT” BY E. T. A. HOFFMANN: BETWEEN NEO-PLATONISM AND MYTH POETICS

Kotaridi Yuliya Georgievna, Ph. D. in Philology
Lomonosov Moscow State University
a-a-s@yandex.ru

The article reveals the structural peculiarities of the romantic short story by E. T. A. Hoffmann “The Golden Pot” directly going back to ancient Neo-Platonism. The spatial-temporal continuum and symbolic range of the text actualize Plotinus’ model of the gradual fading of the One. Hoffmann’s aspiration for the creation of his own myth-poetic universe conditions not only the use of philosophical mythologemes in the short story, but also referencing to folklore sources.

Key words and phrases: Romanticism; Neo-Platonism; myth poetics; archaic fairy-tale; chronotopos.

УДК 821.161

В статье исследуется мир детства, выделяются индивидуально-авторские особенности художественного воплощения хронотопа детства как неотъемлемого компонента построения картины мира в деревенской прозе. Для анализа хронотопа детства определены ценностные характеристики времени и оппозиции пространства, раскрывается их художественная специфика, заключающаяся в мотиве памяти детства (В. Астафьев), в детских судьбах (В. Белов), в образе дома, метафорически вобравшего в себя все самое дорогое (Ф. Абрамов).

Ключевые слова и фразы: деревенская проза; хронотоп детства; оппозиции: свой – чужой, внешний – внутренний, замкнутость – разомкнутость; ценностные характеристики времени: цикличность, линейность и обратимость.

Неверович Галина Александровна

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
nevgalina@gmail.com

ХРОНОТОП ДЕТСТВА В ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЕ

Образ детства обладает сильным эмоциональным воздействием, поэтому в своем творчестве Ф. Абрамов, В. Астафьев, В. Белов для передачи всей силы трагедии взрослого человека, связанной с разрушением деревни,